

Мурашко Николай Иванович

Воспоминания старого учителя

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Иванович М.**
Воспоминания старого учителя / Мурашко Николай Иванович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 329 с.

ISBN 978-5-519-98196-5

ISBN 978-5-519-98196-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

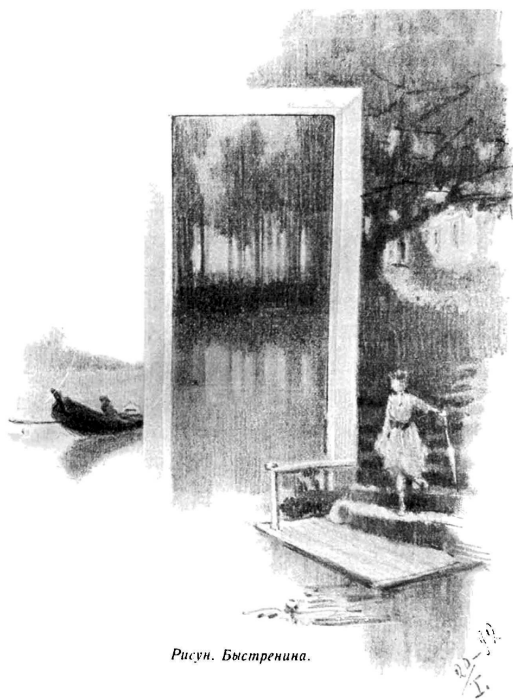
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Посвящается

памяти

Ивана Николаевича Терещенко.

Рисун. Быстренина.

РЕЖДЕ чѣмъ говорить о нашей рисовальной школѣ, нельзя не удѣлить нѣкотораго вниманія ~~предшественни-~~камъ нашимъ. Мысль объ устройствѣ школы въ Кіевѣ не нова. Еще въ концѣ пятидесятихъ годовъ въ Кіевѣ на Кадетской улицѣ жилъ любитель живописи г. Буяльскій, который открылъ у себя рисовальную школу. Очень приходится сожалѣть, что нѣтъ матеріаловъ для болѣе яснаго изображенія фizioноміи его школы. Тамъ была вывѣска, туда ходило нѣсколько юношей. Извѣстно также, что Буяльскій ни отъ кого въ зависимости не состоялъ, и что средства для школы у него были свои собственныя. Велось это дѣло какъ то тихо, скромно, такъ что не смотря на то, что вывѣска красовалась на домѣ

нѣсколько лѣтъ, отъ школы никакихъ слѣдовъ не осталось. У меня по крайней мѣрѣ никакихъ матеріаловъ по исторіи этой школы не имѣется, не смотря на то, что я ихъ неоднократно искалъ.

Въ 1859 году открылись вечерніе классы рисованія при Университетѣ по инициативѣ нѣкоего Башилова. Объ этомъ говорили даже въ обществѣ, надѣялись, что изъ этого что-то выйдетъ. Но классы, просуществовавъ одинъ зимній сезонъ, исчезли также безслѣдно, какъ и школа Буяльскаго.

Въ шестидесятихъ годахъ открывается школа при Кіевѣ Печерской Лаврѣ. Главнымъ инициаторомъ этого дѣла является одинъ изъ монаховъ о. Алипій. Объ имени его мало кто слышалъ. Скромный, истинный монахъ,

искренно любящий только искусство, онъ является двигателемъ всего дѣла, ѣздитъ въ Петербургъ и тамъ усердно работаетъ для своей школы: копируетъ Брюлловскіе образа, копируетъ въ Эрмитажѣ старыхъ мастеровъ. Не онъ виноватъ, что школы при Лаврѣ не существуетъ; онъ все сдѣлалъ для нея, что могъ; онъ даже понудилъ соборъ старцевъ Лавры на нѣкоторыя пожертвованія. Школа занимала въ одномъ изъ домовъ, принадлежавшихъ Лаврѣ, просторное помѣщеніе, была обставлена школьной мебелью и пособиями, стоявшими нѣсколько тысячъ рублей: бюстами, статуями, манекенами и т. д. Въ преподаватели сначала были приглашены академикъ Рокачевскій, а потомъ Сорокинъ—художникъ съ хорошимъ именемъ, знатокъ рисунка и иконописанія. Иконописцы Лавры, юноши, жившіе при школѣ и юноши и дѣти приходившіе—все это работало и училось въ школѣ. Иконописаніе въ Лаврѣ видимо измѣнилось къ лучшему, вышло даже нѣсколько очень недурно изданныхъ лаврской литографіей образовъ.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ однако соборъ старцевъ былъ смущенъ совершенной бездоходностью школы. Выписанный изъ Москвы преподаватель Сорокинъ всегда казался имъ очень дорогимъ и они надумали потребовать отъ отца Алипія, чтобы онъ занимался школьнымъ дѣломъ самъ, а между тѣмъ о. Алипій мечталъ только о томъ, чтобы поставить школу все шире и шире. Понятно, что о. Алипій наотрѣзъ отказался вести дѣло самъ, ему не позволяла этого его скромность. Тогда обратились къ другому монаху; дѣло попало въ руки монаха иконописца—ремесленника, съ искусствомъ ничего общаго не имѣвшего. Школу перевели въ помѣщеніе, не выходящее за ограду Лавры; бюсты и статуи поступили на храненіе въ кладовую. Манекену, представлявшему изъ себя женскую фигуру, предстояла участь быть съѣденнымъ мышами, но онъ былъ выпрошенъ для Кіевской рисовальной школы въ 1880 г., гдѣ и остался, но имъ мало пользовались, потому что рисованіе съ манекеновъ уже отошло въ глубь временъ. Такимъ образомъ и Лаврская школа перестала существовать; тамъ занялись ремесленнымъ иконописаніемъ.

Казалось бы дѣлу конецъ, но видно въ обществѣ существуетъ нѣчто, не дающее ему заглохнуть.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ при первой гимназій были устроены классы рисованія по воскреснымъ днямъ для ремесленниковъ. Случайный небольшой капиталъ, пожертвованный Н. А. Ригельманомъ, послужилъ основаніемъ. Преподавателемъ былъ приглашенъ сначала В. А. Тренинъ, а потомъ я. Но пожертвованный капиталъ расходовался, другихъ поступленій не было и, какъ не экономничали съ этимъ капиталомъ, весьма естественно, что источникъ

этотъ скоро изсякъ и классы прекратились. Незначительные остатки отъ пособій по рисованію, Николай Аркадьевичъ любезно предложилъ мнѣ забрать и поступить съ ними, какъ найду лучше.

Мы подошли къ моменту открытія Кіевской рисовальной школы. Обратившись къ своимъ воспоминаніямъ, постараюсь рассказать, откуда и какъ могла зародиться у меня мысль о школѣ. Не представляя изъ себя значительнаго художника, я всегда былъ страстнымъ любителемъ искусства. Помимо природныхъ влеченій силою разныхъ житейскихъ обстоятельствъ я натолкнулся именно на путь искусства. Родившись въ семьѣ иконостаснаго мастера, я находился среди массы оригиналовъ („кунштовъ“, какъ выражались въ этой средѣ), которые служили пособіемъ при писаніи иконъ. Куншты эти возбуждали у меня къ себѣ неутоимый интересъ и охоту, если не творить такіе же, то хотя бы срисовывать. Но я думаю, что вначалѣ навѣрное тутъ были и потуги къ творчеству: у дѣтей это есть, но оно большею частью легкомысленно убивается и притупляется невѣжественной средой. Кругомъ только срисовывали: по шаблонамъ писались иконы и съ разныхъ гравюръ картины. Изъ этой среды срисовыванія оригиналовъ, окончивъ сельское училище и кое какъ развивъ себя чтеніемъ, юношей 18-ти лѣтъ, я попадаю въ Петербургъ, въ Академію Художествъ.

Академія вообще дать много не могла человѣку, которому надобно и учиться и тутъ-же добывать средства къ жизни. Но въ душѣ прочно жила любовь къ картинамъ, гравюрамъ, фотографіямъ, — и съ ранней юности создался уже собиратель и коллекціонеръ.

Для южанина непріятливъ сѣверъ и, не кончивъ Академіи, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ я уже долженъ былъ уѣхать въ провинцію. Въ 1868 г. Академія нашла возможнымъ выслать мнѣ дипломъ учителя, въ силу котораго мною занято было мѣсто въ классической прогимназіи въ Кіевѣ. Безъ малѣйшей педагогической подготовки, по какому то наитію свыше нужно было найти и методы и способы преподаванія. Теперь есть педагогическіе курсы при Академіи, есть музеи всякихъ пособій. Тогда ничего не было, нужно было пользоваться всякими случайными крохами, встрѣчавшимися на жизненномъ пути. Такую напримѣръ службу сослужило случайное знакомство въ Новгородѣ—Сѣверскѣ съ учителемъ рисованія В. Тимофеевымъ. Послѣдній говорилъ, что онъ не дастъ никакихъ оригиналовъ своимъ ученикамъ, что самъ рисуетъ на доскѣ и ученики вслѣдъ за нимъ срисовываютъ.

„Тутъ-же въ виду учениковъ приходилось и творить свой рисунокъ“, разсказывалъ онъ: „часто сдѣлаешь и тутъ же смахнешь его губкой, сдѣлаешь

второй, третій рисунокъ и оставишь только тотъ, которымъ совершенно удовлетворишься“.

Не смотря на всю странность такого преподаванія, въ немъ было нѣчто болѣе живое, чѣмъ прежняя тупая раздача оригиналовъ ученикамъ, получивъ которые, ученики часто не знали, что съ ними дѣлать.

Потомъ я вспоминаю попавшуюся мнѣ книгу чуть ли не сороковыхъ годовъ, руководство Гиппіуса, которое тоже рекомендуетъ въ классѣ общее преподаваніе посредствомъ разныхъ несложныхъ узоровъ, рисуемыхъ учителямъ на доскѣ; при книгѣ были изданы и не хитрые узоры.

Вотъ, если считать полученное извѣстѣ, почти весь педагогическій багажъ знаній, съ которымъ выступилъ молодой учитель въ Кіевской прогимназіи въ 1868 году. До него рисовали ученики съ оригиналовъ и онѣ подъ мышкой въ портфель не имѣли ничего другого, какъ тѣ же оригиналы для своихъ кліентовъ. Правда оригиналы эти были болѣе серьезны. Это не были уже изображенія глазъ, носа, рта, которыя спеціально служили когда-то для уроковъ рисованія и наводили на рисующаго страшную скуку, ошеломляя сразу своею непоследовательностью. Взамѣнъ ихъ я могъ предложить своимъ ученикамъ любовно собранные красивые и художественные оригиналы простые и доступные для изображенія: книга, скамья, яблоко, цвѣтокъ и т. п.

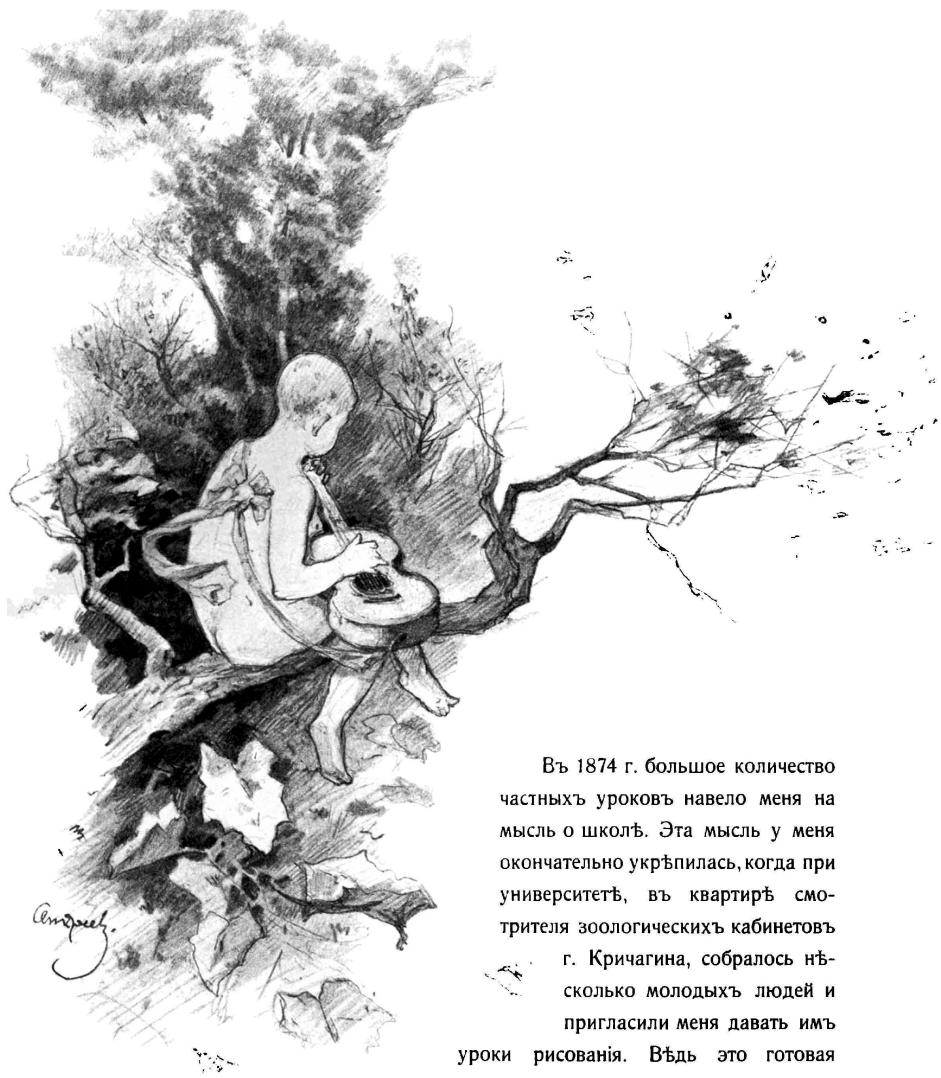
Позже уроки оживились. Шестидесятые годы, какъ извѣстно—годы всеобщаго оживленія и обновленія; въ концѣ концовъ это обновленіе коснулось и искусства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и способовъ его преподаванія. Повсюду стали говорить, что въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ только рисуютъ, а не учатся. Фраза эта проскользнула въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія: повторилъ ее въ 1870 г. намъ всѣмъ кіевскимъ учителямъ рисованія помощникъ попечителя И. Е. Ростовцевъ, спеціально собравъ насъ изъ всѣхъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Нужно таки сознаться, что въ этихъ словахъ заключалась не малая доля правды. Дѣйствительно преподаваніе рисованія въ большинствѣ случаевъ сводилось лишь къ тому, что учитель раздавалъ литографированные оригиналы каждому ученику отдѣльно, дальнѣйшее же всецѣло почти зависѣло отъ усердія этого послѣдняго; только лучшія работы удостоивались поправокъ, замѣчаній, объясненій; менѣе же успѣшные ученики плели, что могли.

Первый шагъ къ оживленію методовъ преподаванія рисованія былъ сдѣланъ введеніемъ большихъ разрисованныхъ таблицъ, съ которыхъ рисовалось уже цѣлымъ классомъ. Возбуждая въ учащихся нѣкоторое соревнованіе, эта система позволяла учителю дѣлать кое какія теоретическія указанія, что составляло уже преимущество передъ прежнимъ методомъ. Къ сожалѣнію

таблицы эти заключали въ себѣ лишь рисунки орнаментовъ, зачастую довольно таки сомнительнаго вкуса и стили, вслѣдствіе чего вскорѣ послышались голоса, требовавшіе ихъ отмѣны. Вопросъ о преподаваніи рисованія сдѣлался настоящей злобой дня. Онъ обсуждался, какъ въ комиссіяхъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, такъ и при Академіи Художествъ; принимали въ немъ живое участіе даже такіе корифеи русскаго искусства, какъ Крамской и Ге. Ярые реалисты, горячіе поклонники природы и жизни, они не могли не заклеймить мертвой скуки рисованія съ литографій и оригиналовъ.

Дѣло оживилось и у насъ. На урокахъ появились уже геометрическія тѣла и преподаватель позволялъ себѣ поставить передъ ученикомъ какой либо предметъ вродѣ ящика, развернутой книги и тому подобнаго. Преподавая въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ младшихъ классахъ я рисовалъ прямо на приколотой къ доскѣ бумагѣ углемъ. Тутъ рисовались предметы безъ конца разнообразныя: узоръ, орнаментъ, цвѣтокъ, книга, кружка, потомъ пейзажъ и даже головы животныхъ. Строго лишь соблюдался приѣмъ, чтобы былъ выдержанъ переходъ отъ легкаго къ труднѣйшему. Уроки проходили очень оживленно; они вѣроятно и создали главнымъ образомъ популярность молодому учителю. Въ теплые дни на каникулахъ съ избранными или просто болѣе или менѣе расположенными ко мнѣ дѣтьми обязательно совершались прогулки съ цѣлью рисовать прямо на воздухѣ. Что этого рода прогулки сильно способствовали художественному развитію, доказательствомъ служить то обстоятельство, что нѣкоторые мои ученики, благодаря главнымъ образомъ этимъ упражненіямъ выдерживали очень солидный экзаменъ по рисованію и принимались въ Академію Художествъ; таковыми были напримѣръ г. г. Селезневъ, Кушниръ и др.

Въ 1874 г. большое количество частныхъ уроковъ навело меня на мысль о школѣ. Эта мысль у меня окончательно укрѣпилась, когда при университетѣ, въ квартирѣ смотрителя зоологическихъ кабинетовъ г. Кричагина, собралось нѣсколько молодыхъ людей и пригласили меня давать имъ уроки рисованія. Вѣдь это готовая школа, подумалъ я.

Въ 1875 году я объявилъ, что прекращаю частные уроки и принимаю желающихъ

учиться рисованію у себя дома. Начало всегда особенно памятно. Въ скромной маленькой квартирѣ на Михайловской улицѣ во дворѣ, въ одной комнатѣ я ожидалъ спроса. Я хорошо помню свою маленькую публичку: одинъ молодой человекъ привелъ свою сестру. Это была первая и единственная въ то время моя ученица m-lle Головачъ; она казалась мнѣ очень способной. Затѣмъ помѣщикъ изъ Борзны, родственникъ Кулиша, вздумалъ отъ скуки позабавиться карандашемъ. Два мальчика еврея готовились по рисованію въ пятый классъ Кременчугскаго реального училища и, наконецъ, нѣсколько дѣтей. Вотъ вся школа въ первые дни ея существованія.

Въ мечтахъ школа представлялась какъ нѣчто совѣтъ небольшое, интимное: одна большая комната, на столѣ любимыя книги и изданія; у стѣнъ раскрытые портфели. Думалось, что главнымъ образомъ явятся самыя преданные любители искусства, съ которыми можно будетъ вести долгія бесѣды; пережить, перечувствовать творенія великихъ мастеровъ, какъ старыхъ такъ и новыхъ, переходя отъ Каульбаха, Деляроша, Бугро, Доре къ Матейко, Бастіень-Лепажу, Беклину, Морелли и другимъ. На дѣлѣ оказалось, что всякіе разговоры и смакованія старыхъ и новыхъ мастеровъ нужно сократить до минимума. Мать привела своего ребенка, чтобы его поучили чертить и рисовать; другіе пришли, просто какъ въ гимнастическій залъ, развить руку и глазъ. Скучно это, обыкновенно, но это такъ.

Вскорѣ квартира, отведенная для школы, оказалась тѣсной и не подходящей, а средствъ увеличить её—никакихъ. И тутъ-то мнѣ пришла счастливая мысль, не безпокая самого главу только что поселившагося семейства Терещенко, обратиться къ одному изъ молодыхъ оканчивающихъ университетъ членовъ этой семьи, именно къ Ивану Николовичу съ просьбой помочь устроить хотя маленькую рисовальную школу. Помощь была обѣщана съ перваго слова.

Вотъ первое письмо Ивана Николовича, такъ прекрасно рисующее доброту и отзывчивость этого человека:

Письмъ И. Ф. Селезневъ.